

УДК 82

**«К ГОЛОСУ ВАШЕМУ ПРИСЛУШИВАЕТСЯ
ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ: ЯВИТЕ ЖЕ ЕЙ МЕНЯ!»
(ПЕРЕПИСКА БОРИСА САДОВСКОГО
С АЛЕКСАНДРОМ ИЗМАЙЛОВЫМ
И ЕЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ)**

© Изумрудов Юрий Александрович (2024), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-код: 2178-5120, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), izumrud.nnov@mail.ru

В соответствии с планами подготовки научного собрания сочинений и научной биографии Б.А. Садовского продолжается изучение его петербургских литературных контактов. Настоящая статья посвящается практически неисследованному вопросу о взаимоотношениях Садовского с Александром Алексеевичем Измайловым, заведующим литературным отделом газеты «Биржевые ведомости», критиком-фельетонистом, прозаиком, поэтом. Личному знакомству Садовского с Измайловым предшествовали их печатные характеристики творческой индивидуальности друг друга. Садовской опубликовал в 1911 году рецензию на сборник литературно-критической прозы Измайлова «Литературный Олимп». Измайлов в этом же году напечатал пародию на концептуально важное стихотворение Садовского «Прадед». И, хотя пародия, возможно, не могла устроить Садовского своей идейной направленностью, тем не менее сыграла для него определенную благотворную роль, ибо прибавляла ему известности, популярности, узнаваемости. Так, в советские годы, когда Садовской практически не издавался, измайловская пародия, включавшаяся в антологии произведений соответствующего жанра, напоминала о его имени и стихах. Личное знакомство Садовского и Измайлова произошло в 1913 году. Садовскому было очень важно установить связи с влиятельным критиком. Это могло помочь ему утвердиться в столичном литературном мире, добиться истинного признания его художнических способностей, которые, по его мнению, критика мало ценила. Измайлов написал о Садовском в нескольких статьях, подчеркнул его несомненную писательскую одаренность. При посредстве Измайлова Садовской обрел постоянное сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» – одной из крупнейших газет в России в начале XX века. Вышедшие в ней тексты Садовского почти не знакомы современным исследователям и читателям и нуждаются во введении в

научный оборот. В статье дается первая публикация переписки Садовского и Измайлова, с соответствующим комментарием. Также впервые печатается письмо Л.Н. Андреева Садовскому. В Приложениях воспроизводятся тексты не переиздававшихся с момента первой публикации в дореволюционной прессе статей Садовского и Измайлова.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, А.А. Измайлов, Л.Н. Андреев, пародия, «Биржевые ведомости».

Мы уже писали в «Палимпсесте» о столичных литературных контактах Бориса Садовского на примере его сотрудничества с альманахом «Петербургские вечера» [Изумрудов 2022]. В настоящей статье продолжаем данную тему и обращаемся к практически неисследованному вопросу о взаимоотношениях Садовского с Александром Алексеевичем Измайловым, заведующим литературным отделом газеты «Биржевые ведомости», критиком-фельетонистом, прозаиком, поэтом.

Измайлов был влиятельной фигурой в литературном мире предреволюционной России. Его читали, к его оценкам прислушивались, знакомством с ним дорожили.

К сожалению, в советские годы, да, по сути, и до конца XX столетия его имя оказалось в забвении. Но в текущем веке наметился серьезный интерес к наследию Измайлова¹. Его авторитетнейший исследователь, профессор Санкт-Петербургского университета Е.В. Хворостянова, подготовившая безупречное в научном отношении современное издание его главной книги пародий «Кривое зеркало» (2002), так, с замечательной образностью, лаконичностью, обрисовала портрет автора: «Он был свидетелем и непосредственным участником бурной литературной и театральной жизни 1890–1910-х годов – эпохи крушения идеалов и переоценки прежних ценностей. В пестрой картине Серебряного века, когда почти каждый год приносил с собой новые течения, имена, очередные размежевания и объединения, когда “литературное сектантство” сменялось, по выражению К. Чуковского, “приятным многобожием”, а популярность Александра Блока едва ли не уступала популярности Петра Потемкина, – Измайлов занимает особое место. Трудно найти сколько-

¹ В частности, можно выделить кандидатскую диссертацию А.А. Александрова «Александр Алексеевич Измайлов – критик, прозаик, журналист», защищенную в ИРЛИ (Пушкинский Дом) [Александров 2008].

нибудь значительное явление в литературе, искусстве, общественной жизни этого времени, на которое бы он не откликнулся как критик, фельетонист, писатель или пародист. Его статьи, критические эссе, пародии, фельетоны, письма чем-то напоминают знаменитый музей Ф.Ф. Фидлера, знатока, страстного, поклонника и собирателя всего, что имеет отношение к русской литературе, о котором сам Измайлов в одной из сатир писал:

...И Фидлер, как тать, в свой музей забирал
Коринфским забытый окуроч. <...>

“Возвращение” литературы Серебряного века – это не только возвращение читателю наследия Д. Мережковского и З. Гиппиус, М. Кузмина и Н. Гумилева, А. Мариенгофа и Тэффи, многих и многих официально “забытых”. Это и возвращение литературной атмосферы начала XX века, воссоздание реальной картины эпохи. <...> Книги Измайлова – взгляд историка литературы и заинтересованного современника – один из самых талантливых и ярких документов литературной жизни этой эпохи. А некоторые страницы “Кривого зеркала” читаются сейчас как пародии, опередившие рождение “оригинала” – историко-литературных штудий XX века» [Измайлов 2002, 6, 7].

Насущной необходимостью сейчас является научное издание не выходивших с дореволюционных времен художественных и литературно-критических книг Измайлова, систематизация и выявление прижизненных публикаций в столичной и провинциальной прессе.

Что касается обширного эпистолярия Измайлова, то целый ряд важных текстов получил печатное воплощение. В этом плане следует отметить масштабное издание, подготовленное сотрудниками ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), в которое, как считают составители, «вошла наиболее репрезентативная часть эпистолярных материалов» [Измайлов 2017, 7]. В книге представлена интереснейшая переписка Измайлова с Брюсовым, Леонидом Андреевым, Розановым, Ремизовым, Э. Голлербахом и др. корреспондентами как обладающий большой филологической и общекультурной ценностью документ эпохи. Е.В. Хворостянова написала специальную статью об этом издании, отметила несомненные достоинства («из более чем 400 опубликованных здесь писем около 90% увидели свет впервые, а потому исключительную востребованность книга должна представ-

лять для историков русской литературы и журналистики, поскольку вводит в научный оборот труднодоступный материал из рукописных отделов РНБ, РГАЛИ, ИРЛИ, РГБ, Indiana University (США) и Государственного литературного музея»), но при этом подчеркнула и существенные недостатки, снижающие его ценность: «отсутствие мотивировки отбора для публикации писем и корреспонденций, некорректность комментариев и нарушение принятых эдизционных принципов» [Хворостьянова 2019, 365, 362].

Публикуя переписку Измайлова с Садовским, мы пытаем надежду внести свой, пусть и скромный, вклад в дело изучения архива знаменитого петербургского критика и пародиста. И, конечно же, данный материал будет использован нами в дальнейшем в плане реконструкции творческой биографии Садовского.

Личному знакомству Садовского с Измайловым предшествовали их печатные характеристики творческой индивидуальности друг друга. Так, Садовской опубликовал в № 3 за 1911 год журнала «Русская мысль» рецензию на сборник литературно-критической прозы Измайлова «Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб. Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы» (1911)². Давая обобщенную положительную оценку «Литературному Олимпу» («Новая книга Измайлова читается с интересом»), Садовской высказывает в адрес автора и некоторые упреки относительно его критической концепции: «...немало места в своей книге уделяет он мелочам, может быть, и не заслуживающим внимания. Так, напр.<имер>, слишком много страниц отводит он описанию Ясной Поляны, не дающему ничего нового, и беседам ее хозяина о искусстве с... Г. Брешко-Брешковским. Значение гг. Андреева и Куприна г. Измайлов сильно переоценил <...>. Невозможно согласиться с мнением критика, что Куприн, этот болезненный, типично городской писатель “в сильнейшей степени родственен Гамсуну” и что в описаниях природы с ним могут соперничать только Аксаков, Тургенев и Толстой. В первой статье о Валерии Брюсове г. Измайлов дает слишком общее определение этого поэта, как создавшего “апофеоз

² Рецензия Садовского никогда не перепечатывалась. А потому мы ее публикуем в приложении № 1 к нашей статье.

любви”» [Садовской 1911, 92–93]. По поводу этих упреков можно заметить, что Садовской высказывает спорные суждения, с которыми можно и не согласиться. Так, он был всегда особенно пристрастен к творчеству Куприна и Леонида Андреева, отзывался о них язвительно и отрицательно.

В том же 1911-ом и опять же в «Русской мысли», в сентябрьском номере, Садовской напечатал цикл из двух стихотворений («Прадед» и «Прабабка») под общим названием «Семейные портреты». Цитируем «Прадеда», поскольку вскоре, в октябрьском номере газеты «Русский голос» появилась пародия на него Измайлова (включенная в один из его литературных обзоров).

Прадед

Когда сквозь пену дней, бегущих неумолчно,
Я память увожу к минувшим берегам,
В тумане чей-то взор, пронзительный и желчный
Склоняется ко мне из потемнелых рам.

Дед моего отца и прадед мой! Возрос ты
Средь черноземных нив и заливных лугов
В симбирской вотчине, где безмятежно-просты
Катились дни твои у волжских берегов.

Ты летом на покос ездил на дрогах длинных,
И зорко умолкал девичий хор и смех,
Когда ты намечал среди красавиц чинных
Ту, что красивее и величавей всех.

Под осень ястребом травил ты перепелок
И слушал красный гон, за русаком летя.
Зимой, жалея свеч, шел в сумерки под полог,
Чтоб до зари уснуть спокойно, как дитя.

Во всем был здравый смысл единый твой наставник.
Ты, мудрой скупостью умножив свой доход,
Служил по выборам: был капитан-исправник
С четырнадцатого по двадцать пятый год.

Полвека ты лежишь на родовом погосте,
Где за оградой рассыпались кресты,

Где клены древние вплелись корнями в кости,
Где свищут иволги и шепчутся листы.

Самолюбив и добр, расчетлив и распутен,
Умом ты презирал, а сердцем знал любовь.
Дед моего отца и прадед мой Лихутин,
Я слышу, как во мне твоя клокочет кровь!

[Садовской 2010, 156 –157]

А теперь приводим пародию Измайлова (опуская взятые в качестве эпиграфа к ней три строфы Садовского – вторую, пятую и седьмую, но тем не менее держа их в памяти, чтобы чувствовать логику пародиста):

Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев,
Ты сам и жизнь твоя – сюжет для нежных лир.
В двенадцатом тебя заметил Аракчеев,
В тринадцатом ты был пехотный бригадир.

Четырнадцать рублей четырнадцать копеек –
Таков был твой оклад, когда ты начинал,
Под старость ты на чай бросал уж канареек,
И в банке семьдесят, в кубышке сто держал.

Секунд-майора дочь Сандулия Петровна
С собою принесла тысчонок пятьдесят,
Мандрыновку и Плес. Вы, сидя в них, любовно
Пороли крепостных и холили щенят.

Бригадный казначей, гроза всех казначеев,
Ты к бухгалтерии до гроба знал любовь!
Двоюродный мой дед Агафодор Свербеев,
Я слышу, как во мне твоя клокочет кровь!..

[Измайлов 2002, 68– 69]

Заметим, что Измайловым очень точно и прозорливо был выбран объект для пародирования. Заявленный в «Прадеде» автобиографический аспект был характерен для всего творчества Садовского – и дореволюционного, и послереволюционного, и проявлялся он самым различным образом. Порой в отдельно взятом произведении

он напрямую никак не ощущался, а в контекстном прочтении, применительно к жизненной и творческой судьбе автора, обретал четкие контуры и вызвал к конкретным сопоставлениям. О подобном нам уже доводилось писать на примере пьесы «Мальтийский рыцарь», с ее сюжетом из эпохи Павла I [Измурдов 2020]. В общем массиве автобиографических произведений Садовского выделяются такие (и они как бы складываются в определенный цикл), где персонажи наделяются *со значением* фамилией *Лихутин*. Здесь, помимо уже упомянутых «Семейных портретов», – рассказ «Черты из жизни моей» (1907), приведший в восхищение знатока старины, знаменитого редактора «Русского архива» П.И. Бартенева; повесть «Черный перстень» (1914); поэтическая драматическая миниатюра «Кравчий» (1921). К перечисленным можно отнести и рассказ «Яблочный царек» (1911), хотя у героя его фамилия не Лихутин, а Хлопов. Вот что тут примечательно: републикуя это произведение в своем сборнике «Адмиралтейская игла» (1915), Садовской снабдил его следующим примечанием: «Основано на семейном предании. Герой рассказа, В.И. Лихутин (Хлопов) приходится отдаленным сродником автору по бабке с отцовской стороны, Е. А. Садовской, рожденной Лихутиной» [Садовской 1990, 470]. Ко всему сказанному надо добавить, что Садовской иногда использовал фамилию Лихутин в качестве псевдонима.

Ключевым во всем этом лихутинском творческом ряду, бесспорно, является диалогия «Семейные портреты». Ее вторая часть – «Прабабка» – повествует как раз о судьбе одной из «красавиц чинных», которую приметил прадед и сделал своей законной, единственной, верной женой.

Прошло немного лет. Из девочки дворовой,
Бродившей по грибы опушкою лесной,
Ты стала барыней дородной и суровой,
Как написал тебя художник крепостной.

Люблю твои черты на блекнувшем портрете,
Их целомудрие — удел немногих душ,
С заботой об одном: чтоб живы были дети,
Чтобы не захворал любимый нежно муж.

К нему же на погост однажды в полдень летний
Шесть сыновей снесли твой деревянный гроб,

И хоронил тебя, чуть двигаясь, столетний,
Давно когда-то вас перевенчавший поп

[Садовской 2010, 157].

То, что в его роду обрели семейное счастье дворянин-помещик и крепостная, для Садовского обрело символическое, историософское значение. Сокровенный союз дворянства и крестьянства при незыблемости крепостного права был для Садовского, монархиста, жесткого консерватора, идеалом государственного устройства России. Позднее, прежде всего в советскую эпоху, этот идеал получил логическое переосмысление и дополнился с опорой опять-таки на родословную Садовского (из которой уже решительно исключался им же мистифицированный аспект) еще одним компонентом – православным духовенством: «Не знаю, откуда пошли слухи о моем якобы необычайно-древнем аристократическом происхождении. Родилась эта легенда в литературных кругах – и там, где Кузмин считался великосветским dandy, прикащик Брюсов – магом и волхвом, Бальмонт – джентльменом, а Феофилакт Бердслеем, – и я мог сойти за аристократа. Из глупого мальчишеского тщеславия я эти слухи поддерживал, производя наш род от мифического литовского шляхтича, выехавшего на Русь при Лжедмитрии в свите Марины Мнишек. На самом деле предком моим был протопоп Нижегородского Спасо-Преображенского собора Борис Иванович, живший около 1750 г. У сына его Василия был сын Алексей, священник села Мадатова и мой прадед. Кажется, он и получил в семинарии фамилию Садовского. Дед семинарии не кончил, служил становым, потом хозяйничал в купленной им деревне. Но женат он был на столбовой дворянке Лихутиной. Дворянство было дано моему отцу только в 1898 г. по Владимирскому ордену.

Дед со стороны матери Голов был простой лукояновский мужик. В 1812 г. 16-ти лет попал в солдаты, дослужился до офицерского чина и вышел в отставку подпоручиком. Тогда этот чин давал дворянство, и мать моя, дочь мужика и поповны, кончила Петербургский Павловский институт. Так в лице моем слились три основных сословия. Этим объясняется многое. Как было не вернуться в лоно Православной церкви потомку благочестивых иереев, священнодействовавших, быть может, с великокняжеских времен? И что может быть чище и, прямо скажу, благороднее крови русского духовенства? Ни малейшей примеси.

Принадлежать к одному сословию с Филаретом – уж одно это есть величайшая честь и счастье. И в то время, как дворянство вырождалось, быстро вымирая и растворяясь новыми чуждыми элементами, состав духовенства оставался неизменным.

И революцию выдержали многие из них с достоинством, не так, как дворяне. <...>

Если вера в Бога и верность Церкви у меня от деда Садовского, то от деда Голова у меня преданность Царю, любовь к армии. Лихутинского во мне тоже немало: я крепостник, барин, зубр. От первого деда любовь к деревне и тишине, от второго – к порядку и аккуратности, от прадеда – самовластный, деспотический нрав» [Садовской 1992, 188–189].

Лихутинское в идеале Садовского Измайлов решительно не поддержал. Отставил в сторону всю эпическую серьезность образа – замещением прадеда на двоюродного деда, вследствие чего становится призрачной, размытой родственная связь. В пародийно трансформированном образе подчеркиваются мелочность, аракеевско-угрюмбурчевская расчисленность, скопидомство, жестокость к крепостным.

Вряд ли пародия Измайлова могла прийтись по душе Садовскому. Мнение его на этот счет мы не знаем. Известна лишь его кратчайшая обобщенная характеристика пародийного творчества Измайлова в одной из статей в журнале «Весь» (1909), откровенно негативная по смыслу: «“Пляска смерти” – добросовестно-бездарное стихотворение г. Княжнина, напоминает затхлую газетную пародию на Брюсова, написанную каким-нибудь Измайловым или Ave» [Ртых <Садовской Б.А.> 1909, 73].

Но как бы то ни было, пародия сыграла для Садовского-литератора определенную благотворную роль. Она прибавляла ему известности, популярности, узнаваемости. К примеру, в советские годы, когда Садовской практически не издавался, измайловская пародия, включавшаяся в антологии произведений соответствующего жанра [Бегак 1930, Русская стихотворная пародия 1960], напоминала его имени и стихах.

Личное знакомство Садовского с Измайловым произошло в пору пребывания автора «Семейных портретов» в Петербурге, где он занимался редакторской работой, правда кратковременно (в журнале 100

«Современник» и газете «Молва»), осуществлял свои издательские планы, участвовал в различных творческих объединениях и кружках. Пора эта воспринималась Садовским как значительный этап в его жизненной и писательской биографии. И в позднейших его «Записках» составила специальную главу (и, как оказалось, заключительную: вспоминать далее, уже в послереволюционных условиях, было не о чем, да и опасно...): «Петербург (1912–1916)». «Записки» отличались интересом к быту, часто в его эксцентричном проявлении, острым анекдотическим ситуациям, предельно обобщенным, с подчеркиванием необычной, ярко выделенной доминантой характера. Записи об Измайлове (их две) вполне укладывались в этот ряд: «Критик А. А. Измайлов для первого знакомства позвал меня обедать. Жирный кусок буженины показался ему мал. – «“Это на две персоны? только-то?” – “Простите, барин, ошиблась”. – “На две персоны?” Измайлов рассказал два анекдота о Лескове. 1). Воспитанница Лескова, подросток, одевшись для бала, зашла к нему в кабинет. Он сидел с друзьями. Тогда Лесков был уже ригористом в толстовском духе. В наряде девочки ему почудился князь мира сего и он, не удержавшись, с размаху дал ей пощечину. – “Дядя, дядя, ты все говоришь о Боге, а в тебе черт сидит!” 2). Курсистка явилась к Лескову знакомиться. Старик из передней, молча, провел ее в уборную. – “Я к вам не за этим, Николай Семенович”. Смысл поступка тоже толстовский: упрощение отношений между полами».

«В марте 1916 г. А. А. Измайлов дал мне деловое поручение к Леониду Андрееву. Я поехал в лечебницу для нервных больных, где находился Андреев. Он встретил меня любезно. Андреев – тип московского студента девяностых годов. При моем входе, он вскочил с постели: обычай валяться на кровати днем, тоже чисто студенческий, московский. Чай пил Андреев тепловатый, из жестяного чайника, с дешевыми сушеными фруктами. Он очень похож на свои портреты: ничего внушительного, достойного. Обыкновеннейший интеллигент» [Садовской 1991, 176, 179].

А вот что в связи с Измайловым сообщал Садовской в Нижний, в письмах отцу, А.Я. Садовскому: «Советую покупать еженедельный журнал “Огонек”³ (цена 5 к.). Там будет много моих

³ Журнал «Огонек» был приложением к газете «Биржевые ведомости». По роду своей литературной деятельности критик-фельетонист Измайлов принимал участие в подготовке материалов и для «Огонька»

вещей и есть интересные вести о войне» (23 августа 1914. Петроград); «Познакомился недавно с Леонидом Андреевым. Очень милый человек и напоминает чем-то нашего ястреба» [Садовской РГАЛИ, 111 об., 145] (29 марта 1916 г.)

Петербург, с одной из примет его – измайловскими «Биржевыми ведомостями», Садовской посвятил стихотворение, вошедшее в его знаменитый сборник «Самовар», своеобразную визитную карточку поэта.

Самовар в Петербурге

О Петербург, о город чародейный!
Я полюбил тебя, фантом туманный,
Огни витрин, и окон блеск обманный,
И сырость вод, и Невский, и Литейный.
С тобой, волшебник призрачный и странный,
Я полюбил уют мой бессемейный.

Здесь чувствуешь себя нечеловеком.
Здесь явь как сон, действительность как сказка.
И вот уж не лицо на мне, а маска,
И всем я равен, принцам и калекам,
И льнет беспечность легкая, как ласка,
Как поцелуй, к моим тяжелым векам.

Здесь после дня, прошедшего без меты,
Как на экране кинемо-театра
Развинченной походкой па-де-катра
Бреду по Невскому, купив газеты,
С коробкой карамели «Клеопатра»,
И сладки мне душистые конфеты.

А дома самовар из красной меди
С соленым маслом, с маковой подковкой.
Быть может, гостя с римскою головкой,
Холодная и строгая, как леди?

и мог способствовать сотрудничеству с ним Садовского. В «Огоньке», в частности, были опубликованы его рассказ «В двадцать пятом году», стихотворения «Торопится ветер и шепчет с листьями...», «Тоскует вечер, смерть зовет...», «Снова мы вместе и снова...»

Нет никого. Вздыхаю над «Биржевкой»,
Томлюсь в вечернем петербургском бреде
[Садовской 2001, 90–91].

Садовскому было очень важно установить связи с Измайловым. Это могло помочь ему утвердиться в столичном литературном мире, добиться истинного признания его художнических способностей, которые, по его мнению, критика мало ценила. «К голосу Вашему прислушивается читающая Россия: явите же ей меня! – писал он Измайлову уже в первом же письме. – Скажите обо мне Ваше прямодушное мнение, как о поэте-лирике. Мне кажется, я имею на это не меньшее право, чем Гумилев и Нарбут. Между тем всюду, от “Речи” до “Аполлона”, меня замалчивают, как поэта, и замалчивают умышленно».

И расчет Садовского в немалой степени оправдался. «...В последнее время я отмечаю Ваши новые работы, в которых чувствуется настоящая любовь к литературе и настоящее дарование, – отвечал Измайлов. – В этом смысле очень рад сборникам Ваших стихов и искренно благодарю Вас за них. Вероятно, мне удастся высказаться о них в очерке, где я думаю объединить целый ряд современных поэтов»; «Чем больше читаю Вас, тем больше вижу Вашу талантливость».

Измайлов написал о Садовском в нескольких статьях, подчеркнул его несомненную писательскую одаренность. Так, разбирая рассказ Садовского «Бурбон» в своей рубрике «Литературное обозрение» в «Биржевых ведомостях», он отметил: «Из многолюдной, многошумящей, суетливой и претенциозной толпы пора выделить имя Бориса Садовского, молодого писателя, в котором уже чувствуется человек для литературы не безразличный»⁴.

При посредстве Измайлова Садовской обрел постоянное сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» – одной из крупнейших газет в России в начале XX века. На ее полосах были опубликованы его рассказы «Слова», «В усадьбе», «Конец книголюба», «Граф Хво-

⁴ Цитируется по публикуемой, в приложении № 2 к нашей работе, статье Измайлова «Возрождение старины в рассказе Б. Садовского “Бурбон”». И также в приложении № 3 читайте публикуемую статью Измайлова «Темы и парадоксы (Современная накипь. Молодое поколение у молодых романистов)» (те ее части, где речь идет о Садовском).

стов», «Пирог», ряд стихотворений, статьи «Вильгельм I: Из прошлого нашей дипломатии», «Вредное чириканье», «Каролина Павлова (Мертвое творчество)», «Книга о Фете», «Беседный наигрыш», а также почти два десятка театральных рецензий (многие из этих текстов совершенно незнакомы современным исследователям и читателям). Состоялись публикации и в журнале «Огонек».

Человек чести, уважающий принципы, ценящий искреннюю дружбу, свято, рыцарски относящийся к литературе, Измайлов поддерживал Садовского в некоторых очень трудных для него ситуациях. Первая из них была связана с выходом его книги критической прозы «Озимь». В ней, в частности, была дана резко негативная характеристика Брюсова как «апоэты», как «провозвестника и предтечи» [Садовской 1915, 37] футуризма, воплощающего тенденции мертвенности, распада в современном искусстве. Книга вызвала шквал возмущенных, негодующих откликов рецензентов, «общее улюлюканье» [Иванов 1994, 81] (по выражению Г.В. Иванова). Печатное же мнение Измайлова было принципиально иным. Нет, он не согласился с Садовским в отрицании поэтического дара Брюсова, но с тезисом о футуризме применительно к нему решительно солидаризировался, причем позволил себе на этот счет и «позлорадствовать» по адресу Брюсова. Но главное было все-таки не это, главное – Измайлов сказал об общей несомненной правоте «Озими» в понимании сокровенной сущности литературы, художнической основательности и честности автора, его боли за Отечество: «Садовской <...> встретит большое сочувствие многим положениям, искренно и страстно высказанным в маленькой книжечке «Озимь». *Вся она – стон порядочного литератора и русского человека, пришедшего в ярость от той нелепой чертовщины, какая завелась в низах литературы*, от всех этих прыщей и угрей, которые, разумеется, слишком ничтожны, чтобы заразить мощное тело народа, но высыпания на носу, на самом видном месте, портят строгое и прекрасное лицо.

И скорбь, и злость Садовского абсолютно искренни, поскольку исходят из благоговейного чувства пред литературой, из преклонения и обожания хорошего нашего прошлого. Немудрено, что он находит слова колочие и меткие, когда выходит на брань против торгующих в храме.

Из дедовского имени, где-то там, в глубине России, он подает свой откровенный голос, являясь депутатом от здравомысленной, честной и ясной интеллигенции, которая не развращена столичным

литературным базаром, “Бродячими Собаками”, “Венами”, поэзо-вечерами, книжонками на обойной бумаге, выставками “Трамвай”, – интеллигенции, которая еще умеет читать книги, а не газеты, Достоевского, а не Арцыбашева, до которой не успевает докатиться “ананас в шампанском” Игоря Северянина, расхвачанный невзрастенически-дрожащими руками, хотя бы и с лощеными розовыми ногтями» [Измайлов 1915].

Отзыв Измайлова был для Садовского важным аргументом в полемике с хулителями «Озими», а в ответе самому рьяному из них – С.А. Ауслендеру – он процитировал выделенные нами выше курсивом строки, прибавив по адресу его: вот «писатель не вам чета» [Садовской 1916а, 200].

Другая ситуация, когда Измайлов вновь подставил плечо, возникла в связи с распространившимися (в марте 1916 г.) в литературных кругах слухами о связях Садовского с редакцией крайне правой газеты «Земщина», что грозило ему потерей репутации и отлучением от прессы, прежде всего столь нужных ему «Биржевых ведомостей». Измайлов при содействии своего давнего корреспондента и постоянного автора «Биржевых ведомостей» Леонида Николаевича Андреева постарался отвести от Садовского все опасные для него наветы, установить их лживость. И 29 марта 1916 г. Садовской писал отцу в Нижний: «В “Журнале журналов” прочтешь пасквильную статейку (А.И. Тинякова, который собственно и инспирировал слухи. – Ю.И.) на меня, где говорится, что я участвовал в “Земщине”. Не смущайся этой клеветой, ибо она уже обнаружена и ликвидирована» [Садовской РГАЛИ, 145].

Не вдаваясь во все детали этой «ликвидации», выделим следующее. Поначалу Леонид Андреев всерьез насторожился из-за слухов о Садовском и обратил на это внимание своего друга Измайлова. Но уже вскоре, вникнув в суть дела, использовав предоставленную ему трибуну «Биржевых ведомостей», писал Измайлову:

«Дорогой Александр Алексеевич.

Я говорил с Садовским⁵, и мне показались удовлетворительными его объяснения. Оговор Тинякова⁶ вызван злобностью и местью и

⁵ Выше мы приводили фрагмент «Записок» Садовского – о встрече с Андреевым. Вот для чего посылал Измайлов Садовского с «деловым поручением» к Леониду Николаевичу: разъяснить все обстоятельства истории с «Земщиной».

не может послужить достаточным основанием к тому, чтобы ломать человеку всю жизнь. Наконец, “письмо”⁷ Б. Садовского звучит вполне определенно и исчерпывающе.

При этих условиях я ничего лично не имею против дальнейшего участия Садовского в “Биржевых ведомостях”» (25 марта 1916 г., Петроград);

«Просьба к Вам. Пишет мне Б. Садовский, что Станислав Максимилианович (Проппер, издатель «Биржевых ведомостей». – Ю.И.) не хочет пребывания его в “Биржевых ведомостях”— так вот нельзя ли попросить Станислава Максимилиановича от моего имени сменить гнев на милость и оставить Садовского. Ей-богу, жалко резать человека, в котором так мало вины! Куда он пойдет? Будьте друг, убедите Проппера!» (7 апреля 1916 г., Петроград) [Измайлов 2017, 124, 125.].

И в тот же день, 7 апреля, отправив письмо Измайлову, Андреев написал и Садовскому. Приводим это письмо, оно никогда не публиковалось:

«Многоуважаемый Борис Александрович!

Я написал А.А. Измайлову, прося его от моего имени (подчеркнуто Андреевым. – Ю.И.) убедить С. Проппера в неосновательности его отношения к Вам.

Если это не уладит дело, постараюсь при первом посещении города (сейчас я уезжаю домой) лично поговорить с Станиславом Максимилиановичем и положить конец этому несчастному недоразумению.

Желаю Вам всего доброго.

Леонид Андреев.

⁶ Л.Н. Андреев напечатал в «Биржевых ведомостях» [Письмо в редакцию] (1916. Утр. вып. 23 марта), с разоблачением смысла статей Тинякова в газете «Речь».

⁷ Одновременно с указанной выше публикацией Андреева, в том же номере «Биржевых ведомостей» помещено «Письмо» Садовского, где он, в частности, заявлял: «...я никогда никакого отношения к “Земщине” не имел. Что касается “правого профессора” N, упомянутого в заметке, то я действительно знаком с одним “правым” профессором, но с ним сблизился исключительно на почве долговременного изучения поэта-классика, рукописями которого этот профессор владеет» [Садовской 1916б, 6].

7 апреля 1916 г.» [Андреев РГАЛИ, 1 – 2].

1

Многуважаемо
Б.р.н. Александру!

Я пишу А.А. Нуману.
Кроме от мое и меня
узнает Р. Протер в несколько
минут с Юлией и
Ваней.

Если вы и можете дать
информацию при первом излучении
пер-го (сейчас в 7-м часу 9-м)

Рис. 1. Письмо Л. Андреева Б. Садовскому от 7.04.1916 г.
(из фондов РГАЛИ)

2

лично известит с Р. М. и
вместе с ними
всем своим изобретениям.
Мне Вам все добро
Леоид Андрей

7 Апрель 1916 г.

Рис. 1. Письмо Л. Андреева Б. Садовскому
от 7.04.1916 г. (продолжение)

Весной 1916-го контакты Измайлова и Садовского прекратились. Кардинально изменились жизненные обстоятельства. В апреле Измайлов ушел из «Биржевых ведомостей», стал редактировать газету «Петроградский листок».

Садовской в апреле же уехал в Ялту и на Кавказ с целью лечения от обострившейся хронической болезни, которое, увы, оказалось unsuccessful. А далее – Москва. И цепь горестных событий, вместившихся в пять последних, самых последних строчек «Записок»: «Всю осень посещал я московского знахаря китайца Тинь-Лоу, близ Донского монастыря. Он колол мне спину иголками и мазал едким составом. Но и китаец не помог. Совсем разбитым воротился я в Нижний на Тихоновскую, в родительский дом. Это было недели за две до убийства Распутина» [Садовской 1991, 180].

1917-ый оказался трагическим для обоих героев нашей статьи, не принявших новые большевистские порядки. «Петроградский листок» был закрыт. Измайлову пришлось перебиваться случайными заработками. Переживания из-за суровых условий существования, идеологической несвободы обернулись тяжелой болезнью сердца, которая и оборвала жизнь Измайлова в марте 1921-го. Всевышний отпустил ему лишь 47 лет...

Прикованного – и, как оказалось, навсегда – к инвалидному креслу Садовского, по его собственным словам, «дважды вынимали из петли» [Садовской 1990, 456]. Выбравший же все-таки *жить*, «дал зарок не печатать ни строчки, пока не сгинут большевики» [Ходасевич 1996, 328]. Потом, правда, зарок снял: нужда заставила, но печататься все равно особых возможностей не было – с клеймом «несозвучного с эпохой». Писал много, но в стол. И в течение десятилетий имя его было вычеркнуто из истории литературы.

Письма Измайлова Садовской сохранил в своем архиве. Ответные находятся в составе фонда Измайлова в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом). И теперь они соединились.

Переписка Б.А. Садовского и А.А. Измайлова¹.

1. Садовской – Измайлову.

Многоуважаемый государь Александр Алексеевич!

Позвольте от души поблагодарить Вас за сочувственный отзыв о моей «Княгине Зенеиде»², переданный мне недавно с Ваших слов (в редакции «Биржевых Ведомостей») – моим приятелем В.А. Юнгером³. Ваше внимание дает мне право обратиться к Вам с настоящим моим письмом.

Не в моем обычае заискивать и подольщаться к кому бы то ни было, неумение угождать публике сделало то, что я, как поэт, мало кому известен. Никогда не жалел об этом, и только, в эпоху футуристов, адамистов, акмеистов и всяких прочих «измов», мне захотелось жить в сознании современников, не ради себя, а ради тех поэтических преданий, которым я, смею думать, неуклонно служил. Посылаю Вам мои стихотворения. К голосу Вашему прислушивается читающая Россия: явите же ей меня! Скажите обо мне Ваше прямодушное мнение, как о поэте-лирике. Мне кажется, я имею на это не меньшее право, чем Гумилев и Нарбут⁴. Между тем всюду, от «Речи» до «Аполлона», меня замалчивают, как поэта, и замалчивают умышленно.

Еще раз благодарю Вас за сочувствие и позволяю себе надеяться, что письмо это не останется без ответа.

С полным уважением

¹ Публикуется по автографам: Письма Б.А. Садовского. РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 294. 10 л. [Садовской ИРЛИ]; Письма А.А. Измайлова. РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 64. 8 л. [Измайлов РГАЛИ].

² «Княгиня Зенеида» – повесть Садовского. Напечатана в журнале «Русская мысль» в 1913 г. (№ 1–2). В дальнейшем публиковалась под названием «Лебединые клики» в сборнике Садовского «Двуглавый орел» (1915).

³ Юнгер Владимир Александрович (1883–1918) – поэт, художник, педагог. Участник первого «Цеха поэтов». Автор сборника стихотворений «Песни полей и комнат» (Пг.: Цех поэтов, 1914). Друг Садовского. В РГАЛИ, в фонде Садовского, хранятся его письма к нему.

⁴ Нарбут Владимир Иванович (1888–1938) – поэт, литературный критик, акмеист.

Борис Садовской.
28 Апреля 1913.
Нижний-Новгород,
Тихоновская, 27.
(Б.<орис> Александр.<ович> С.<адовской>)

2. Измайлов – Садовскому.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Простите, что в хаосе дел моих только сейчас дохожу до ответа Вам.

Я воспользовался случаем передать Вам мой привет через Вашего знакомого, отчасти стремясь искупить перед Вами мое ошибочное понимание Вас в начале Вашего поприща. Кажется, по поводу Ваших стилизованных рассказов я когда-то делал замечания не вовсе благоприятные⁵. Тем охотнее в последнее время я отмечаю Ваши новые работы, в которых чувствуется настоящая любовь к литературе и настоящее дарование. В этом смысле очень рад сборникам Ваших стихов и искренно благодарю Вас за них. Вероятно, мне удастся высказаться о них в очерке⁶, где я думаю объединить целый ряд современных поэтов. Боюсь обещать это категорически, потому что буквально завален книгами и переполнен до верха благими намерениями. Между тем опыт уже чувствительно доказал мне, что при вечной срочной работе на две газеты не удастся сдерживать и самых искренних обещаний.

Позвольте послать Вам последние заметки мои о Вашей повести⁷. По типу работы, от меня требуемой, это больше простое освеще-

⁵ Нам пока не удалось найти статью Измайлова об этом ввиду труднодоступности полного комплекта «Биржевых ведомостей». Вполне возможно, Измайлов высказывался о рассказах Садовского и в другом периодическом издании.

⁶ Данный очерк пока тоже нам неизвестен.

⁷ Надо полагать, речь здесь идет о заметках относительно повести «Княгиня Зенеида». К сожалению, данные заметки нам неизвестны. Но излагаемая далее методология, положенная в их основу, вполне может характеризовать и особенности публикуемой нами в приложении № 2

домление читателя о произведении с приведением характерных мест, чем критика. Не посетуйте. До настоящего дела в вечной толчее и суете не доходят руки.

Искренно уважающий Вас

А. Измайлов.

14/V 1913.

3. Бонди и Измайлов – Садовскому.

«ОГОНЕК»

Иллюстрированный еженедельный

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

РЕДАКЦИЯ

С. Петербург,

Галерная улица, соб.<ственный> дом, № 40.

Тел.<ефон> 498-41.

С. Петербург, 12 ноября 1913 г.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Позвольте от редакции «Огонька» просить Вас о присылке нам небольшого рассказа, размером в 300 – 400 строк. Так как предполагается некоторые из рассказов, в зависимости от их содержания, ил-

статьи Измайлова «Возрождение старины в рассказе Б. Садовского “Бурбон”».

В архивном фонде Садовского в РГАЛИ есть газетная вырезка с краткой оценкой повести «Княгиня Зенеида», авторство которой не указано. Приводим эту оценку: «Действие повести Б. Садовского “Княгиня Зенеида” происходит в николаевскую эпоху. Исторического в повести, впрочем, мало, – эпоха потребовалась, как канва, на которой вышиты затейливые стилистические узоры: в княгине, подобной июльской розе, “до единого каждый лепесток достиг предела пышности, красоты и силы, и благостными чарами лета, мнилось, дышал ее расцвет”. Так же стильно пишут, впрочем, теперь чуть ли не все пробующие свои силы в этой области» [Отзыв РГАЛИ, 21].

люстрировать, то очень желательно получить рукопись, как можно скорее.

Выдача гонорара может быть произведена немедленно после прочтения и подсчета рукописи.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности.

В. Бонди⁸.

P.S. Искренно уважаемый Б.А., оч.<ень> досадно, что не увиделись. Я в хаосе дела – сокрушительном! Совершенно не свой. Верьте моему искреннему сожалению. Чем больше читаю Вас, тем больше вижу Вашу талантливость. Спасибо за присылку Бурбона⁹. В след.<ующем> обзоре лит.<ературы> пишу о нем¹⁰.

Ваш А. Изм.<айлов>

4. Садовской – Измайлову.

Уважаемый и дорогой Александр Алексеевич!

Мне пришлось покинуть Петербург впопыхах и даже не удалось попрощаться с Вами хотя бы по телефону. Думаю, что по возвращении (около 20-го числа) я искуплю эту невольную свою невежли-

⁸ Бонди Владимир Александрович (1870–1934) – писатель, журналист. Родился в 1870 г. (по другим сведениям – в 1868 г.) в Рыбинске. Учился в Рыбинской гимназии вместе с Владимиром Борисовичем Лопухиным (1871–1942), впоследствии камергером Высочайшего двора, служившим в кон. XIX – нач. XX в. в Министерствах иностранных дел и финансов, в Государственной канцелярии и в Государственном контроле. Жил в Санкт-Петербурге. Печатался под псевдонимом Вальди. В 1903–1918 гг. являлся соредактором петербургской газеты «Биржевые ведомости» и ее приложений (журнала «Огонек», «Новая иллюстрация»). Член Особой комиссии Верховного совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1916–1917). Арестован 26 февраля 1931 г. Приговорен: ОС КОГПУ 2 октября 1931 г., обв.: 58-11. Был лишен права проживания в определенных городах и областях. Реабилитирован 30 июня 1989 г. Даты смерти литератора сильно разнятся по разным источникам: 1934/1942/1947 г.» [Литературная карта].

⁹ Рассказ Садовского «Бурбон».

¹⁰ Упомянутая выше статья о «Бурбоне» опубликована в «Биржевых ведомостях» (1914. 9 (22) января (№ 13942). Утр. вып. С. 2).

вость, объясняемую также боязнью Вас лишний раз потревожить. И без того Вы слишком внимательны ко мне. Чтобы сразу покончить с деловой стороной письма, сообщаю Вам, что у меня приготовлены к печати 2 книги: сборник рассказов и сборник статей¹¹: одну из них мне бы и хотелось пристроить при вашем содействии в Петербурге.

Посылаю Вам автобиографические о себе сведения и портрет. Очень рад буду получить от Вас весточку.

Желаю Вам встретить и в добром здравьи провести Светлые дни наступающего праздника.

Ваш сердечно Бор.<ис> Садовск.<ой>

3 Апр. 1914.

Нижний-Новгород,

Тихоновская, 27.

5. Измайлов – Садовскому.

2046.

РЕДАКЦИЯ

«БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Галерная, 40.

Тел.<ефон> 628-93 и 408-88.

С.-Петербург _____ 191

Дорогой Борис Александрович!

Пожалуйста, шлите немедленно (!?) стихов и прозы с касанием войны. Проза, конечно, может быть в Вашем обычном жанре (из прошлого), но с каким-нибудь все-таки параллелизмом ныне происходящему. Стихи – не «гром победы разд.<авайся>», но с благородным касанием по настроению жутких дней наших. Проза до 300 стр.<ок>.

Ради Бога, сделайте это в личное мне одолжение.

Ваш

А. Изм.<айлов>

¹¹ Сборник рассказов «Адмиралтейская игла» (Пг., 1915), книга статей «Озимь» (Пг., 1915).

6. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Как видите, за мной дело не стало: при сем препровождается Вам рассказ и 5 стихотворений, удовлетворяющих, по-моему, сказанным Вами условиям. Теперь и я в свою очередь попрошу Вас о личном одолжении, даже о двух: 1) нельзя ли деньги за эти вещи отослать мне немедленно, примерно в понедельник или во вторник; 2) не можете ли Вы, дорогой Александр Алексеевич, устроить мне повышение «зароботной платы»? Я в «Бир.<жевых> Вед.<омостях>» получаю 40 к. за строку стихов и 15 прозы: согласитесь, что это не очень много, особенно, приняв во внимание, что я уже приближаюсь к «полумаститным», а такие юноши, как Г. Иванов, берут у вас по полтине за строку. Пишу я мало и редко, и думаю, что не грех бы мне набавить. «Струна щекотливая», но буду надеяться: Вы все можете. А я теперь выстроил себе хутор под Нижним и на обзаведение нужны деньги: глядишь, гости приедут – может быть, и Вы пожалуете на новоселье: отдохнуть на Праздниках, ан подчивать-то и нечем.

Жму Вашу руку, будьте здоровы.

Душевно Ваш

Борис. Садовск.<ой>

21 ноябрь 1914.

Нижний, Тихоновская, 27, с.<обственнй> д.<ом>

P.S. Читали ли Вы последний (215) том «Чтений» при Моск.<овском> Унив.<ерситете>? Там переписка К.П. Победоносцева¹² с Н.И. Субботиным. Что за прелесть! Какой дивный слог был у Константина Петровича! Какой характер!

¹² К К.П. Победоносцеву Садовской относился с благоговением. В лучшем произведении своем послереволюционного периода – повести «Александр Третий» (1930) – дал такой портрет его: «Евангелический союз представил адрес Царю: да упразднится в России власть православной Церкви; да разрешит самодержавный монарх своим подданным свободно менять религию. Твердый и ясный отказ союзу на днях отправлен обер-прокурором Святейшего Синода Константином Петровичем Победоносцевым.

Память его да будет с похвалой.

Привет В.А. Бонди.

7. Измайлов – Садовскому.

2047.

РЕДАКЦИЯ

«БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Галерная, 40.

Тел.<ефон> 628-93 и 408-88.

С.-Петербург _____ 191

Дорогой Борис Александрович,

1. Спасибо.

2. 4 стих<отворения>: взяты. Одно – позвольте вернуть.

3. О Малюте¹³. К большой досаде, Вашей и нашей, мы не совсем сговорились. Время такое, – как Вы видите, – что никакой bell нельзя занять читателя, если это не о войне. Вы знаете, напр.<имер>, что «Р.<усское> Слово»¹⁴ не печатает ни строки не о войне. Мы не

Продолговатое бритое лицо обер-прокурора всегда невозмутимо; в кожаной оправе очки на спокойных глазах; черный сюртук застегнут.

Он москвич, сын профессора, ученый правовед. В Хлебном переулке родительское гнездо; два крошечных ветхих флигеля.

Часто навещает Москву Константин Петрович. Поутру из Славянского базара пешком в Хлебный. В сенях старый дворник снимает с барина медвежью шубу, дворничиха приносит самовар. И ходит всесильный министр по убогим горенкам, вспоминая детство; смотрит на истлевшие обои, на черные портреты, на дряхлый клавесин.

Все проходит, но ничто не исчезает.

В Российском царстве сорок пять тысяч церквей и семьсот соборов; пятьдесят тысяч священников. Недавно Синод воспретил духовенству брать деньги за исповедь и причастие, совершать литургию в орденах, допускать надгробные речи в храмах» [Садовской 1930].

¹³ О каком конкретно произведении Садовского идет речь, неясно.

¹⁴ «Русское слово» – газета политическая, общественная, экономическая и литературная (без предварительной цензуры); с № 108 1898 – ежедневная газета без предварительной цензуры; с 1906 – без подзаг. – Москва, 1894–1917.

держимся этой линии так строго, но и белл.<етристика>, и стихи, и литер.<атурный> очерк соприкасаются с войной. Вы не верите, что мы искренни, когда говорим, что отклоняем Малюту не пот<ому>, ч<то> он не нравится, а потому, что невозможно сейчас надеяться, ч<то> б<ы> читатель это читал.

Итак, ради Бога, рассказ, но о войне. Вам ничего не стоит в стильной обстановке старины дать разговаривающих и разнодействующих офицеров, думающих то, что можно думать и в наши дни... Не мне вас учить.

4. О повышении прозы сегодня будет разговор. О стихах – не надеюсь.

5. Спасибо за зов. Когда бы корове рога!

6. Победоносц.<евы> письма – прочту¹⁵.

7. Есть литературные новости, (вводим?) 15 писем Писемского и т. д. – Сделал публикацию в газете – и не без удачи.

Ваш А. Измайл.<ов>

8. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Посылаю Вам второй, думаю, более надлежащий рассказец и возобновляю просьбу: настоять в конторе, дабы гонорар был прислан немедленно. Совестно мне затруднять Вас, но иного исхода не предвижу. Многократно и многообразно в былые времена обращался и в контору, и к Бонди, и всегда получал, выражаясь попросту,

¹⁵ Нам неизвестен отклик Измайлова на упоминаемое выше Садовским издание с письмами Победоносцева. Приводим мнение его о письмах Победоносцева письме В.В. Розанову от 28 сентября 1910 г.: «Беспокою Вас, надеясь, что ради этого стоит побеспокоиться. Предъявитель сего достал от архиепископа Макария Томского 48 писем Победоносцева и прочел мне. Многое чрезвычайно интересно, как характеристика личности К.<онстанина> П.<етровича>. Как стилин даже в своем языке этот умирающий инквизитор! Не сомневаюсь, Вам это доставит удовольствие. Николай Францевич Масловский (это лицо) может Вам сам прочесть их (писано неразборчиво). Что Вы сделали бы по этому великолепный фельетон – это так же мне ясно, как то, что меня зовут моим именем» [Измайлов 2017, 437].

шиш. Ездить же за гонораром в Петроград, согласитесь сами, не стоит.

Итак, крепко жму Вашу руку и остаюсь заранее благодарный
Бор. Садовс.<кой>

30 ноябрь 1914.

Н.<ижний>

9. Измайлов - Садовскому

РЕДАКЦИЯ
«БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»
Галерная, 40.

Тел.<ефон> 628-93 и 408-88.
С.-Петербург _____ 191

Дорогой Борис Александрович.

Я в долгу перед Вами – большим и хорошим письмом. Но пока не могу и думать о дружеской переписке.

Пожалуйста, пришлите еще небольшой фабульный рассказ, в жанре последнего.

И простите вынужденную деловитость.

Ваш

А. Измайл.<ов>

10. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Уж буду до конца нахален. Опять хочу надоедать Вам просьбою: навести справку в конторе и поторопить ее присылкою мне гонорара. Уж очень у меня большая крайность: деньги дозарезу нужны. Без Вас же, знаю, ничего не выйдет, и придется напрасно ожидать многие недели. А в благодарность за содействие позвольте мне приготовить в моей деревенской глуши хорошенький рассказ для «Огонька» и посвятить его Вам.

Всегда готовый к услугам

Б. Садовск.<ой>

10 дек. 1914.

Н.<ижний>

P.S. Вы получили, конечно, рассказ мой «Сын героя»¹⁶?

11. Измайлов – Садовскому.

«БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Галерная ул., соб.<ственный> дом, № 40.

Телефоны редакции: № 426.98 и 408.88.

Телефон Главной Конторы: № 275.25.

Адрес для телеграмм: «БИРЖВЕДОМОСТИ»

№

Петроград, _____ 191 г.

Дорогой Борис Александрович.

Редакция «Биржевых Ведомостей» поручила мне очень просить Вас дать нам небольшой, в газетных размерах, рассказ, приблизительно в 300 – 350 строк – для одного фельетона. Она не стесняет Вас никакими предъявлениями, и рассказ может не иметь никакого отношения к войне и переживаемому моменту, если у Вас нет расположения к такому рассказу.

Не откажите сообщить о Вашем согласии и несогласии пишущему эти строки. Но, ради Бога, не откладывайте.

Ваш

А. Измайлов.

12. Садовской – Измайлову.

Дорогой Александр Алексеевич!

Простите: только сегодня, воротясь из Ст. Руссы¹⁷, нашел Ваше письмо. Рассказ прилагаю – чем богат, тем и рад.

¹⁶ Рассказ с таким названием нам неизвестен.

¹⁷ В Старую Руссу Садовской ездил для лечения.

В поэтический сборник Садовского «Полдень» (1915) включено стихотворение «В уездном городе» (1905):

Очень попрошу не задержать высылку гонорара.
Ваш всегда
Бор. Садовс.<кой>
20 июня
1915.

Заборы, груды кирпича,
Кривые улицы, домишки
И за собором каланча
С уснувшим сторожем на вышке.

Здесь сорок лет что год один.
Не знают люди перемены,
Как рамки выцветших картин,
Смирненно кроющие стены.

А в поле, там, где млеет ширь
И рожь колышется волнами,
Хранит кладбище монастырь,
Приосененный тополями.

И здесь такой же мирный сон.
Как сладко спится позабытым!
Лишь луч порой, упав на клен,
Играет зайчиком по плитам.

1905.

Архивный вариант этого стихотворения, с измененной первой строкой второй строфы («Здесь 20 лет из года в год»), имеет название «Ардатов», то есть стихотворение посвящено уездному городу Ардатову Нижегородской губернии, малой родине автора. Т.В. Анчугова, тщательно изучавшая материалы архивного фонда Садовского в РГАЛИ, отмечала: «На газетной вырезке, возможно, имеющей отношение к поездке Садовского в Старую Руссу для лечения (1915), стихотворение напечатано под заглавием “Старая Русса”» [Садовской 2010, 514]. Смена названий города свидетельствует, видимо, об осознании типических черт уездных центров Российской империи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Републикация статей Б.А. Садовского и А.А. Измайлова¹

Приложение № 1

Борис Садовской

А. Измайлов. Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб. Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы. М., 1911 г. Стр. X+472. Ц. 1 р. 50 к.²

Новая книга Измайлова читается с интересом. Некоторое странное на первый взгляд сопоставление имен Льва Толстого с Салиасом и Чехова с Всеволодом Соловьевым автор объясняет в предисловии тем, «что вместе с великим громовержцем Зевсом восседают на Олимпе и “боги меньших племен” и пред всеми ими одинаково останавливается с золотой чашей вечно юная Геба». По методу изложения и по содержательности далеко не все очерки одинаковы, но они объединены характерной особенностью: автор их не только разбирает творчество названных выше писателей, но и пытается сделать их характеристики, как людей, пользуясь, главным образом, своими личными впечатлениями. Иначе говоря, литературные характеристики соединены в «Олимпе» г. Измайлова с рядом «интервью», в которых мы знакомимся с обстановкой жизни наших писателей и слышим их подлинные речи. Это прием, в нашей критике еще достаточно новый, не так давно был решительно скомпрометирован неким г. Оскаром Норвежским, равно беззастенчивым в отношении как русских писателей, так и русского языка. Г. Измайлов отнесся к своей задаче гораздо серьезнее, и из его очерков выступают облики гораздо более живые. Из поездок в Ясную Поляну и на Капри, из воспоминаний о Гр. Е. Салиасе и Вс. Соловьеве, из посещений Л. Андреева и Вал. Брюсова, из встреч с Фед. Сологубом и И. Ясинским – извлек он ряд любопытных штрихов, которые в свое время сослужат службу историку литературы, как добросовестные показания современника. В упрек Измайлову можно поставить, что не мало места в своей книге уделяет он мелочам, может быть, и не заслуживающим внимания. Так, напр. <имер>, слишком много стра-

¹ Статьи не печатались с момента их первой публикации.

² Впервые напечатано: Русская мысль. 1911. № 3. С. 92–93.

ниц отводит он описанию Ясной Поляны, не дающему ничего нового, и беседам ее хозяина о искусстве с... Г. Брешко-Брешковским. Значение гг. Андреева и Куприна г. Измайлов сильно переоценил, хотя и говорит о первом, что у него «замысел несравнимо лучше исполнения» (стр. 280) и второго сравнивает со «слабым динамитом» (стр. 369). Невозможно согласиться с мнением критика, что Куприн, этот болезненный, типично городской писатель «в сильнейшей степени родственен Гамсуну» (стр. 345) и что в описаниях природы с ним могут соперничать только Аксаков, Тургенев и Толстой (ibid.). В первой статье о Валерии Брюсове г. Измайлов дает слишком общее определение этого поэта, как создавшего «апофеоз любви» (стр. 384). Особенно любопытны воспоминания г. Измайлова о двух наших исторических романистах, сочинениями которых в восьмидесятих годах зачитывалась чуть ли не вся Россия, гр. Е.А. Салиасе, Всеволоде Соловьеве. В обоих очерках, как и следовало ожидать, бытовой, частно-описательный характер. Г. Измайлов интересно и живо изобразил обстановку и внешность старых романистов и впечатления от своих встреч с авторами «Пугачевцев» и «Горбатовых».

Во всей книге мы заметили единственную неточность. Г. Измайлов называет Всеволода Соловьева «третьим и меньшим из прекрасной и удивительной семьи Соловьевых». Между тем Всеволод Сергеевич был старшим сыном знаменитого историка.

Приложение № 2

Александр Измайлов.

Возрождение старины в рассказе Б. Садовского «Бурбон»³

Из многолюдной, многошумящей, суетливой и претенциозной толпы пора выделить имя Бориса Садовского, молодого писателя, в котором уже чувствуется человек для литературы не безразличный.

Садовский пишет рассказы, повести, преимущественно стилизованные, то в окраске потемкинской поры, то в освещении пушкинской эпохи. Пишет и стихи, в которых, среди обычных лирических мотивов, нет-нет и проскользнет красивая влюбленность в старину, тоска современного человека по ушедшей дворянской культуре, по

³ Впервые напечатано (в рубрике «Литературное обозрение»): Биржевые ведомости. 1914. 9 (22) января (№ 13942). Утр. вып. С. 2.

старым тургеневским усадьбам, по барышням с тонкими ручками за клавиринами из красного дерева и т.д.

Поэт ушел с головой в эту милую старину, которую влюбленно пел Чехов в своей лебединой песне – «Вишневом саде», поет теперь Бунин, поют Ауслендер, Кузьмин, Беляев и т.д.

Ему, кажется, едва 30 лет, но он погрузился в старинные мемуары, дневники, в старинный, наивный журнал.

Любовно он подбирает там забытые теперь словечки, ловит омертвелый оборот старинной фразы, в котором чувствует неотразимую прелесть. В старых книгах, между строк старых мемуаров перед ним встает человек былого времени, герой рассказа Тургенева, старый гусар 20-х годов, старый помещик-увалень, еще до-обломовского периода.

Живое лицо вроде Потемкина, Пушкина, вырывается вдруг из сумрака былого и оказывается на его страницах. Эти лица говорят то, чего, может быть, никогда не говорили в жизни, но тем языком, той фразой, какою говорили бы в действительности.

Археология забытой эпохи вырисовывается перед вами в мелочах. С тщательностью историка вам подносится меню какого-нибудь званого помещичьего обеда, все блюда которого выписаны из старых мемуаров Жихарева, Болотова, Вигеля или Порошина.

Самая форма повести, рассказа Садовского ударяет в старинный стиль повести пушкинской, а пожалуй, даже и загоскинской.

Как истинный гурман литературы, Садовский непременно снабжает свою повесть эпиграфом из какого-нибудь автора пушкинского периода. Иногда эти эпиграфы подбираются даже к каждой главе.

Так Садовский начал, так и продолжает свою писательскую карьеру. Его лицо, может быть, и сильно напоминает лицо со старинного портрета, но в среде современной оно оригинально и отлично от других. У него своя индивидуальность, и его рассказы запоминаются.

Можно очень много говорить о том, как странно, что молодой писатель, как бы замыкается для современных выступлений, отмежевывается от сегодняшнего дня с его красками и шумами.

Но таков склад Садовского, и, может быть, критика не была бы права, направляя его на дорогу, чуждую его дарованию.

Напечатанный в «Русской мысли» военный рассказ «Бурбон» весь в таких своеобразных тонах.

Перед вами 1836 год, старые уланы, цветущие степи Новороссийского края.

Со стороны чисто литературной здесь опять налицо все то, по чему вы безошибочно угадали бы Садовского, даже не видя его подписи, – эпитафы общие и частные над каждой главой, старые приемы, немножко старообразный склад фразы.

Точно веяние Лажечникова, Марлинского, Греча проносится над страницами «Русской Мысли», когда вы читаете хотя бы такие строки: «У корнета Гременицына все еще шла игра. Карты сыпались дождем, и банк опрокидывал то и дело свою роковую прихоть»⁴...

«Догоревшие свечи давно чадили, и заря розовыми пальцами трогала желтые занавески на окнах»⁵.

Великославские уланы живут молодо, весело и чуть-чуть грешно, в жанре тех старых гусаров, которых пели Денис Давыдов и Марлинский, а позднее живописал Лев Толстой.

Молодой, изящный корнет Гременицын влюбляется в фельдшерскую дочку, хорошенькую Машу, уже просватанную за корнета Мокеева, вышедшего из простецов за выслугу лет.

Перед вами встает фигура, которая была бы на месте в первых тургеневских рассказах.

“Старая Русса”

«Евсей Семеныч был бурбон: так в армии назывались в его времена солдаты, выслужившие себе офицерский чин. Родом он был из сдаточных, в службу был взят по семнадцатому году, прямо от сохи, и грамоте обучался в казарме. Долго тянул солдатскую тягостную лямку Евсей Семеныч, но за примерное усердие лет через двадцать удостоился получить возжеленные корнетские эполеты. “Наш Мокеев палочную академию прошел”, – остряли меж собой полковые шутники. Как все бурбоны, Евсей Семеныч с подчиненными был неумолимо строг, а перед высшими, хотя бы всего одним чином, по привычке, даже в обществе вставал и вытягивался в струнку. В обществе, впрочем, бурбона видали редко; к товарищам заявлялся он лишь в особые дни: “с Анделом⁶ проздравить” или “с Монаришей милостью”. В гостях он целый день и вечер бессловесно просиживал в уголку, не смея вступить в общую беседу и уйти не решаясь, а на

⁴ Несколько сокращенная фраза из рассказа Садовского.

⁵ Несколько сокращенная фраза из рассказа Садовского.

⁶ В статье Измайлова ошибка: «ангелом».

небрежные вопросы ответственю по привычке “так точно”, “никак нет”. Еще реже стал он бывать в товарищеском кругу с тех пор, как однажды, на парадном обеде, данном великославцами уходившему в отставку генералу, посолил “для скусу” мороженое у себя на тарелке. Молодые шутники тотчас подметили этот пустяковый промах и начали смешки, а Евсей Семеныч долго не мог понять, в чем же он провинился: ведь не щепотью, кажись, соль брал, а по всей деликатности, как следует быть, ножом столовым. Взрыв хохота завершил обед, когда Евсей Семеныч, подбиваемый молодежью произнести тост за отъезжавшего генерала, налил полный стакан поднесенного ему лакеем лимонного полосканья, поднял его, провозгласил здравицу и осушил до дна. Хоть кожа у Евсея Семеныча толста была, как на его сапогах, однако эти два случая больно ему укололи сердце, и вспоминать о них Мокеев не любил»⁷.

Гременицын знает, что Маша не свободна. Однако, он не из тех, что отступают, узнав о сопернике.

Он продолжает атаку, а летний вечер, нежный и ласковый, помогает ему, повергая молодую девушку в сладкую мечтательность. Машины губы почти помимо воли шепчут имя красивого корнета, а он оказывается тут как тут.

«Гременицын, подойдя, сел подле, крепко обнял Машу и нежно заговорил:

– Ну, так уж и быть, скажу я тебе, Машенька, свою тайну, слушай; ты слушаешь?

Маша молчала.

– Что? – капризно перебил себя Гременицын. – Ну, слушай же, Машенька: я тебя люблю.

Маша покачала головой.

– Ты мне не веришь, неужели? Не может быть, что?

В этот самый момент белое что-то, как снежный комок, шумно метнулось между ними: голубка, распахнув крылья, припала Маше на грудь.

– Что такое? Что случилось? — спрашивал Гременицын. Выхватив душистый платок, он потирал себе щеку: с размаху птица больно зацепила его крылом.

⁷ В тексте статьи Измайлова в «Биржевых ведомостях» цитируемые фрагменты рассказа Садовского не выделены кавычками. Нами эти фрагменты здесь и далее выделены кавычками и курсивом.

– Ничего не случилось. Это Гуля моя ястреба перепугалась. Ястреб повадился летать в роуцу, то и дело папашиных голубей таскает. Гулюшка, Гуля, не бойся, не отдам тебя, мой ты, – говорила Маша и гладила красноклювую голубку по белым перьям.

Резкий ястребиный крик прозвенел вдруг у них над головами. Голубка встрепенулась и, выпорхнув из рук у Маши, быстро взвилась. Тотчас же просвистал бурными крыльями, упал на нее с дуба ястреб, подхватил и понесся над поляной. Гременицын и Маша видели, как хищник опустился с добычей на суховерхий дубок, почти у самой опушки. Скоро к ним подлетели по ветру перловые перышки и нежный, как иней, пух.

– Ох, не к добру это, не к добру. И со мной то же будет, – промолвила Маша. Слезы сверкнули у нее на ресницах и просыпались на колени.

– Кто же ястреб – я, что ли? – спрашивал Гременицын шутливо, но рука не подымалась у него обнять рыдающую девушку, – Маша, полно, не плачь, люблю я тебя, ты милая, люблю, ну скажи мне, что любишь, скажи хоть одно слово, не может быть, что?

Маша плакала».

Такие эффектные сцены, с легким налетом первобытного, примитивного символизма, любили наши старики. Такие эффекты можно найти у Загоскина, у Марлинского. Садовской не копирует своих предшественников, но, вероятно, нечувствительно для себя, впадает в их манеру.

Просватанная за бурбона и не смеющая пойти против родительской воли Маша водит за нос Мокеева, но рано или поздно ее тайне суждено быть раскрытой. Мокеев однажды застает ее и своего счастливого соперника на месте преступления.

«Гременицын обхватил белыми ладонями румяное Машино лицо и зацеловал ей без конца пышные щеки, сахарноблестящие зубы и полузакрытые влажные глаза. Маша, сдерживаясь, визжала. Звонко хохоча, сорвала она с Гременицына фуражку и вцепилась, шая, в мягкие волны его кудрей. Виззги, поцелуи и смех таяли без остатка в знойном, насыщенном тишиной дне. Кислякову завидно сделалось и досадно даже; он и губы от обиды ревниво распустил. Придумывая, как бы уйти незаметней, он попятился легонько в кусты, стараясь не звякнуть, и вдруг услышал позади чей-то тяжелый, с одышкой, военный шаг. Из кустов, чуть не задев Кислякова эполетой, вылез бурбон Мокеев и устремился прямо к скамейке. Увлеченные любов-

ной борьбой, Маша и Гременицын до сих пор его не замечали, пока Евсей Семеныч не дернул товарища за рукав.

– Ах! – воскликнула Маша, закрываясь

– Что? – оборотился небрежно Гременицын, – А, это вы... – И, нахмурившись, засвистал.

– Дозвольте вас спросить, как должен обо всем этом понимать? Мария Степановна, ежели вы моя, к примеру сказать, невеста, то от вас теперича чего же я ожидать могу?

Маша молча закрывала руками пылающее лицо. Гременицын свистал и хлыстом постегивал себя по шпорам.

– Извольте отвечать, господин корнет, – продолжал Евсей Семеныч, молчание Гременицына объясняя робостью и смущением. – Какие ваши права?

– Уходите, – сказал Гременицын, не подымая глаз.

– Как уходит? От своей-то невесты, да уходит? – Евсей Семеныч все громче забирал голосом, петушился и смелел. Без сомнения, храбрость свою почерпал он также в винных парах, с утра раздышавшихся в его стриженной голове и теперь ударивших сразу в виски и в шею. Кругом его все как будто позеленело. – Нет, уходить это тебе надо, а не мне.

Тут произошло такое, чего и предвидеть никто не мог. Гременицын, вспыльчивый от природы, в припадке гнева мог позабыть все на свете. В безмолвии ярость его лишь пуще собиралась и копилась, как грозовая туча, но, сознавая в глубине сердца себя не вполне правым, он ожидал, что бурбон побоится затевать историю и уйдет. Когда же Мокеев, мало того что позволил себе повысить голос, а еще дерзнул обратиться к нему, Гременицыну, на ты, молодой корнет вспыхнул разом, как пороховой погреб. Из глаз его вылетели две молнии; обезумев от гнева, он вскочил, бешено затопал ногами и заорал:

– Пошел прочь, мерзавец! Как смеешь ты со мной так разговаривать, хам!

При грозном окрике все офицерское благородство слетело с Евсея Семеныча, как с гуся вода. Привычным движением он быстро сорвал с головы фуражку и, вытянувшись, вскрикнул:

– Виноват, ваше благородие!

Такое подлое самоунижение еще сильнее взбесило Гременицына. Не помня себя, он замахнулся хлыстом и, скрипнув зубами, хватил по лицу бурбона. Мокеев моргнул и дернулся щекой, но по-прежнему

остался стоять неподвижно, глядя в глаза корнету. Маша, всхлипывая, кинулась бежать и исчезла в опушке. Гременицын очнулся.

– Не может быть, что? – сказал он, по привычке небрежно чувствуя, между тем, как сердце тяжело сдавила ему ледяная какая-то, небывалая тревога. Он отвернулся от Мокеева и опять стал стегать себя по лаковым голенищам. Сознание того, что случилось, еще не вполне стало ясным ему самому; он чувствовал только, что теряется совершенно.

Бурбон, напротив, ободрился и понял, что дело поворачивается на новый лад. Вспомнив, наконец, что и на его плечах такие же точно эполеты, как у Гременицына, и что по уставу он все-таки благородный и офицер, Евсей Семеныч стал вольно и принял обиженно-самолюбивый вид».

Скандалная история разносится по всему полку. Спрятать ее невозможно. Немец командир собирает офицерский суд и делает постановление, что корнет Мокеев должен вызвать Гременицына на дуэль.

К общему удивлению и негодованию, Мокеев отказывается от этой чести. Его понятия не сходятся с понятиями тонкого офицерства, и он спокойно готов подать рапорт об отставке.

Командир негодует. Уже просто как начальник он требует, чтобы Мокеев шел драться. Бурбон привык повиноваться и на категорический приказ отвечает покорным: «Слушаюсь, господин полковник».

Садовской рисует картину, когда Мокеев возвращается из офицерского собрания с своим единственным приятелем по полку, таким же, как он, бурбоном, Пискуновым.

«Близость-ли опасного поединка, измена-ли любимой невесты, другие-ли какие причины произвели в характере Евсея Семеныча внезапную и решительную перемену. Он перестал походить на бурбона и будто утратил сразу все типические свои черты. В походке и во всем поведении Евсея Семеныча засквозило нечто совсем иное: он раскис, стал говорить нараспев, подпирая ладонью по-бабьи щеку и поглядывая на товарища добрыми⁸ телячьими глазами. И вид у него

⁸ В книге «Лебединые клики» (1990), в тексте «Бурбона», отсутствует слово «добрыми», хотя составитель книги С.В. Шумихин указывает, что рассказ публикуется по тексту сборника «Адмиралтейская игла» (1915), но там, как и в «Русской мысли», данное слово имеется.

вдруг сделался такой, точно для смеху перерядили его в уланского корнета.

– Эх, брат, Петр Иванович, – сказал он, почесавши за ухом, – убьют меня завтра господа.

– Ну, не говори, еще неизвестно.

– Убьют, бесприменно убьют, вот поглядишь сам. Эх, жисть! И тут тебе незадача. Только было в люди вышел, офицер этта и все, – мне бы, дураку, в отставку, так нет: жадность одолела. Дослужусь, мол, до эскадронного. Вотте⁹ и дослужился.

Пискунов молча сопел.

– И чудно эфто, Петя: сколько годов я деревни не видал: забыл, стало быть, вовсе мужицкую нашу жисть, как и что. Да оно и некогда: зимой в казарме, летом на траве, все служба да служба. А ту, намени, как он меня хлестанул и пошел этта я¹⁰ из роци, встречь мне ровно бы дымком, знаешь, потянуло маненько, курным дымком. Тут я все и вспомнил. И деревню вспомнил, и улицу, вот как на картинке: журавец этта и бадья, стадо гоняет, ну, вот тебе все до малости, как есть. И еще вспомнил, как matka, бывало, под праздники блины яшны пекла, и так мне блинов эфтих самых захотелось, знашь, с конопляным маслом, горячих. У нас ведь в Лукояновском все конопля, и дух от нее чудесный по полям так и плывет, и плывет. Петь, а Петь?

– Ну?

– Працавай покуда. До завтраго. Ты у меня эфтим, как его... секу... секундатором-то будешь?

– Сикундатом? Я, а то кто же? Ты спать?

– Высплюсь, пораньше встану. Как еще Бог поможет. Так не робить, что ли?

– Чего робить? Для виду все. Пальнете мимо по разку, а там и рапорт твой полковник честь-честью примет. Балуются господа.

Влюбленный бурбон ищет встречи с девушкой. С слабой надеждой идет он под окно Маши. В самом деле, она сидит у него. Но не на радость ему это свидание.

«– Дозвольте объясниться, – говорит Мокеев. – Как ежели я посмел вас беспокоить, то не иначе, как в сем приятном уповании.

⁹ Здесь дефиса не нужно.

¹⁰ В книге «Лебединые клики» (1990) такое написание: «я этта», хотя и в «Русской мысли», и в «Адмиралтейской игле» – «этта я».

Бледные губы Маши открылись, и бурбон услышал:

– Подлец ты постылый, рябая рожка. Ненавижу я тебя, будь ты проклят, анафема.

Окошко захлопнулось, и Маша исчезла.

Странное чувство родилось тогда в размягченном сердце бурбона. Машины слова будто чародейством каким превратили сердце его мгновенно в холодный камень, и в то же время злоба, бешеная и страстная, так жарко заклокотала в его густой крови, что, кажется, попадись Мокееву сейчас Гременицын, он бы убил его на месте. Самые шаги бурбона отяжелели, как будто толстые голенища его налились злобой, и погребальным звоном мерно и глухо вызывали уходящие шпоры: месть! месть!

По мере того, как удалялся Евсей Семеныч от Машиной избы, с другого конца к ней подходил Гременицын. Заслышав знакомую быструю походку, Маша по пояс высунулась из окна и обхватила жадно горячими руками надушенную голову стройного красавца в бирюзовой фуражке. Гременицын поднял ее на руки и понес.

– Куда ты? Пусти. – шептала Маша

Оба остановились, оглянулись и быстро, взявшись за руки, побежали к роще.

Бессонные совки и надоедливые сычи долго пищали, сдуру дразнясь и покрикивая на дремотную луну, а у старого дуба, на скамейке, звучали поцелуи. Величавый лесной царь, гордый доверием влюбленных, благословляя, простирает над ними мощные свои ветви.

Перед вами любовная идиллия в стиле романов 20-х годов. Садовской совершенно попадает в ее тон, и с точки зрения того, былого и умершего искусства, здесь вполне на месте эта метафора о «величавом лесном царе», одна из тех, какие так любили литературные старики.

И этот идиллический тон, и эта метафора очень хорошо оттеняют кровавый финал повести.

«В семь часов брызнул и тотчас рассеялся мелкий дождь. Гременицын и Кисляков верхами проскакали рощей, спеши к месту дуэли.

У скамьи под старым дубом трава была примята и голубел забытый кисейный шарфик. Гременицын вздохнул.

Ротмистр Кант с согласия полковника выбрал поединок на саблях. Противники, крепко сцепившись левыми руками, после команды дают друг другу по одному удару. При крайней жестокости своей,

дуэль эта наименее опасна. Не у всякого хватит духу рубить человека насмерть, стоя лицом к лицу.

Врагов развели. Мокеев тупился, сгорбясь. Молча выслушал он наставления и наказания Канта.

Гременицын с отвращением почувял, как цепко охватила руку ему потная лапа бурбона.

Кант крикнул команду: раз, два, три!

Бурбон не двигался и не подымал глаз, только рука его стискивала все крепче холодные пальцы Гременицына.

Владимир Николаевич поморщился и ударом наотмашь сбил плашмя с головы Мокеева фуражку. В тот же миг бурбон дико поднял кровавые глаза, и Гременицын зажмурился невольно, встретя их медвежий, освирепелый взгляд.

Со всей силы обрушил Мокеев удар свой на голову врагу, крикнув, как будто рубил капусту. Гременицын свалился. Голова его разъята была надвое вместе с фуражкой; тяжелая сабля смаху перешибла тонкое переносье и вытекший левый глаз и застряла в белых зубах, раздробив свежесвыбранный подбородок.

Секунданты в тупом оцепенении глядели на дергавшийся последними судорогами труп. Кровь, струясь ручейком, мочила подошвы Кислякову. Бурбон, стоя над покойником, ревел в голос, как баба, и крупные слезы дробно бежали по рябым щекам».

Почему-то рассказ Садовского возвращает память к таким старым литературным вещам, как тургеневский «Бреттер»¹¹, как толстовские «Два гусара», как рассказы Марлинского об офицерских дуэлях, о жестоких железных людях, спокойно наводящих огонь на своих мягкотелых противников.

В этом слабая сторона большинства стилизованных рассказов Садовского. Они знакомы. В самом деле, как бы ни велик был подтекст собственной фантазии и стариковских подсказов, образы, созданные большими художниками – властнее, и на них поневоле сбивается творческое воображение.

Если не считаться с этим, вы найдете в рассказе Садовского и верную обрисовку эпохи, и недурно схваченное настроение маленького военного уголка с его железными законами и грозными легендами, найдете даже и верно уловленную психологию русского про-

¹¹ Так у Измайлова.

стеца, почти из мужиков, которому никак не понять мудреной правды окультуренных людей, уверовавших, что кровь смывается только кровью.

Приложение № 3

Александр Измайлов.

Темы и парадоксы (Современная накипь. Молодое поколение у молодых романистов)¹²

I

Я прочитал весьма оригинальную юбилейную статью¹³. Посвящена она Брюсову, стоящему у преддверия своего 25-летнего юбилея, и принадлежит перу молодого писателя Садовского. В чем ее оригинальность? В том, что к четвертьвековому юбилею Брюсова Садовской яростно силится повалить его, как идола с пьедестала и сравнить с землей.

Нашей юбилейной литературе цена ломаный грош. Это такое же праздное словоговорение, к какому сводятся всегда, без исключений, застольные речи юбилейных ораторов. Увы, наша печать все больше и больше теряет старинную, грубоватую честность, какую берегли у нас старые семинаристы Надеждин, Благовосветлов, Чернышевский, Добролюбов. Она все более уклоняется французской дипломатичности, галантности и неискренности. Газетные столбцы становятся ареной взаимных одолжений.

Необычный юбилейный спич Садовского написан в тонах почти личного раздражения. Я не могу утверждать, что это так и есть, но над его статьей не веет то ощущение высокой идейности и оторванности от личных чувств, какое отличает классические образцы

¹² Впервые напечатано: Биржевые ведомости. 1915. 30 марта. (№ 14753). Утр. вып. С. 2. Нами приводятся части I–IV, имеющие отношение к Садовскому. Части V–VIII (с анализом романов М.А. Кузмина «Плавающие и путешествующие» и Ю.Л. Слезкина «Ольга Орг») опущены. Комментарии принадлежат нам.

¹³ Имеется в виду статья «Юбилей безвременья (1889–1914)» в книге Б.А. Садовского «Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы» (Пг., 1915).

бескорыстных и возвышенных полемик. Было время, когда сам Садовской состоял если не в оруженосцах, то, во всяком случае, в свите Брюсова. Было время, когда он сам настаивал на признании его «первым русским поэтом наших дней» [Садовской 1915, 35].

Но вот Сатурн махнул десяток раз косою, и Садовской отрицает всякую «Божью милость» на Брюсове, как поэте. Это холодный ум, совершающий всевозможные займы и учитывающий векселя с бланками «талант», «чутье», «вкус», «поэзия». Он «апозт», простой стиходей, который «со временем займет место подле Сумарокова, Бенедиктова и Минаева» [Садовской 1915, 36, 37, 38]. Это император Вильгельм в стихотворстве, с тою же постоянной рисовкой, бесплодным бряцанием, неутомимостью в ненужном труде и т.д. А почему так, следуют пункты.

II

Я не собираюсь ни спорить с Садовским, ни защищать Брюсова, который, по отстранении от шалостей детства, есть, конечно, настоящий поэт, хотя бы и с действительным преобладанием стихии ума. Но ведь эта стихия преобладала, например, и в Баратынском, однако не помешала ему быть поэтом и вызывать восторг самого светила нашей поэзии. «Поэзия, прости ее Бог, должна быть немножко глуповата»¹⁴, – написал однажды Пушкин, и мы знаем действительные примеры, когда люди просто неумные рождали песни высокой красоты.

Но с тех пор, как эти слова сказаны, многие столь злоупотребляли не только глуповатой, но и глупейшей поэзией, что, право, нет ничего дурного отдохнуть и на умной.

Я хотел бы коснуться только одного упрека – сближения Брюсова с футуристами – и – да простит меня поэт! – позлорадствовать. Как, действительно, злой враг, Садовской действует отравленным кинжалом. Какой же упрек, в самом деле, может валить кого-либо в глазах человека стремительнее, чем это приобщение к горсточке Поприциных¹⁵? И в этом случае к Брюсову, в самом деле, хочется

¹⁴ Точная пушкинская цитата: «...поэзия, прости господи, должна быть глуповата» (из письма П.А. Вяземскому; вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г.) [Пушкин 1962, 231].

¹⁵ Аксентий Иванович Попріцин – главный герой повести Н.В. Голя «Записки сумасшедшего».

применить жестокие мольеровские слова – *tu l'as voulu, George Dandin!*¹⁶

Он хотел этого, когда «носился с грошовыми брошюрками, писанными на птичьем языке», с «убогими мыслишками юношей, неумных и бесталанных, едва ли читавших что-либо, кроме трактирных прейскурантов и цирковых афиш» [Садовской 1915, 24]. Он хотел этого тогда, когда осквернил страницы «Русской мысли» разбором их куриного бреда и присоединил свой авторитет к голосам малодушных, которые готовы сказать, что «что-то есть» в галстуках, нащепленных за лацкана, в разрисованных щеках и полосатых рубахах.

«Кто ложится спать с собаками, – встает с блохами»¹⁷, и нигде большею карою, как в литературе, не карается легкомысленная ночевка в собачьей конуре. Как нельзя посещать дом терпимости только за тем, чтобы там пить чай, как нельзя утром ходить в синагогу, а вечером – ко всенощной, так нельзя писателю, крестившемуся огнем и духом, преломлять хлеб с маньяками наглой рекламы.

В этом смысле хотелось бы, чтобы пример Брюсова, так оскорбительно пристегнутого к футуристам и обобщенного с ними, послужил уроком для всех, кто не хочет видеть свои ворота в дегте. Берегите, господа, честь смолodu, блюдите свою постель от блох бродячей собаки!

III

Садовской останется в одиночестве со своим мнением о Брюсове, как поэт, но он встретит большое сочувствие многим положениям, искренно и страстно высказанным в маленькой книжечке «Озимь». Вся она – стон порядочного литератора и русского человека, пришедшего в ярость от той нелепой чертовщины, какая завелась в низах литературы, от всех этих прыщей и угрей, которые, разумеется, слишком ничтожны, чтобы заразить мощное тело народа, но высыпания на носу, на самом видном месте, портят строгое и прекрасное лицо.

¹⁶ «*Tu l'as voulu Georges Dandin!*» (*фр.*) – цитата из комедии «Жорж Данден» (1668) Жана Батиста Мольера (псевдоним Ж. Б. Поклена, 1622–1673). В переводе на русский: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»

¹⁷ Афоризм Генриха Гейне.

И скорбь, и злость Садовского абсолютно искренни, поскольку исходят из благоговейного чувства пред литературой, из преклонения и обожания хорошего нашего прошлого. Немудрено, что он находит слова колочие и меткие, когда выходит на брань против торгующих в храме. «Там, за вашими столицами, где родились и выросли вы, как корабельные крысы в трюме, за миром редакций, кабачков, кулис, авансов, бульваров, за эстрадами, где плюете вы в великих художников и выкликаете свои дырбулщур, – там стелется и шумит хлебным океаном старая, святая, великая наша Русь, которая вас не знает и знать не хочет. Ведь это вы к нам поедете (на ваших автомобилях), в нашу родную глушь, в трущобы наши лесные, в провинцию, к уездным лампадкам, монастырским колоколам, к прадедовским могилам, в Михайловское, на Светлое озеро, в Ясную Поляну, – туда, где всю землю грустно-сиротливо, считая родиной скорбей, плакучая склоняет ива везде концы своих ветвей»¹⁸.

IV

В каком-то письме Чехов пишет одному знакомому, обладавшему большим критическим вкусом, но не писавшему статей, что наша литература нуждается как бы в партизанской критике. Люди вкуса не должны предоставлять всей арены критикам-специалистам. Они выдыхаются, они впадают в шаблон, они создают отношения, которые связывают по рукам и ногам. Нужно совершать набег на все темное, что есть в литературе, приканчивать зло так, как приканчивали его отряды Дениса Давыдовы и ему подобных.

Не критик по профессии, а вольный беллетрист, Садовской осуществляет этот чеховский завет. Из дедовского имения, где-то там, в глубине России, он подает свой откровенный голос, являясь депутатом от здравомысленной, честной и ясной интеллигенции,

¹⁸ С некоторыми неточностями цитата из «Озимы». В оригинале: союз «к» перед *монастырским*; отсутствует «тире» перед *туда*; отсутствуют выделенные скобками слова «на ваших автомобилях»; строки из стихотворения А.А. Фета «Ивы и березы» приведены строфой (с правильным написанием в первой строке):

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей [Садовской 1915, 25–26].

которая не развращена столичным литературным базаром, «Бродячими Собаками», «Венами», поэзовечерами, книжонками на обойной бумаге, выставками «Трамвай», – интеллигенции, которая еще умеет читать книги, а не газеты, Достоевского, а не Арцыбашева¹⁹, до которой не успевает докатиться «ананас в шампанском» Игоря Северянина, расхватанный неврастенически-дрожащими руками, хотя бы и с лощенными розовыми ногтями.

¹⁹ О сущности творчества Михаила Петровича Арцыбашева (1878–1927) Измайлов так высказался в своей книге критической прозы «Пестрые знамена» (в главе «Банкротство идеалов (Литературный портрет М. П. Арцыбашева)»: «Таков в беглой зарисовке облик Арцыбашева, поэта русского освобождения, когда разрешается гроза освобождения, поэта садической жестокости и половой разнузданности, когда на литературной бирже поднимаются акции “половых проблем”, певца смерти, когда в обществе дешевеет жизнь, и повышается спрос на укусную эссенцию.

В беглом абрисе нет возможности оттенить все черты его дарования... Это дарование несомненно. Не только одна пряность его сюжетов и типов выдвинула его. При совершенной слабости выдумки (здесь почти единственное исключение “Смерть Ланде”), при почти фатальном отсутствии искусства облекать идейную схему в жизненный образ, Арцыбашев обладает, бесспорно, красочную палитрой, и даже в “Санине” дает места, выделяющиеся по своей красивой изобразительности. Но жаль, что его дарование так мало служит идеалам добра.

Ему присуща черта протеста против житейских условностей, против тех пугал, которыми люди осложнили жизнь, сделав ее пресной и прозаичной. Но иногда он смешивает в одну кучу и эти пугала, и вечные основы жизни.

Раз навсегда он уязвлен ужасом крови. Не может быть благороднее протеста. Но протестует Арцыбашев однообразно, однотонно, не в силах уйти от готовых лубочно-либеральных тонов.

Он хотел бы выступить проповедником здоровой свободы тела, сломить перегородки чопорности, но в его протесте чудится расчет эффектичанья половыми откровенностями, странное притупление стыда и болезненный наклон в извращение.

Какая-то явно фальшивящая струна вносит отталкивающий диссонанс в дарование Арцыбашева и странную, сбивающую с толку путаницу в его идеалы» [Измайлов 1913, 35–36].

Эта здоровая провинция время от времени должна заявлять свой столько же полноправный голос, должна аукаться, чтобы здесь, у очагов, у которых стоят жрецы и потира словесности, было видно, на чьей стороне громада народа, было ясно, что не умерла еще потребность в литературе, как огромном жизненном начале, что только здесь, в лабораториях ремесленников, она обратилась в бездушное ремесло ради заработка или в пошлую игру в бирюльки.

Источники

Ртух <Садовской Б.А.> 1909 – Ртух <Садовской Б.А.> *Обзор русских журналов («Вестник Европы», июль–август. «Русская Мысль», июль–август. «Современный Мир», июль–август. «Русское Богатство», июль. «В Мире Искусств», №№ 1–6) // Весы. 1909. № 8. С. 72–75.*

Андреев РГАЛИ – Андреев Л.Н. *Письмо Б.А. Садовскому* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 17.

Бегак 1930 – Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. *Русская литературная пародия*. М.; Л., 1930.

Иванов 1994 – Иванов Г.В. *Петербургские зимы* // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 5–220.

Измайлов 1913 – Измайлов А.А. *Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья*. М., 1913.

Измайлов 1914 – Измайлов А.А. *Возрождение старины в рассказе Б. Садовского «Бурбон»* // Биржевые ведомости. 1914. 9 (22) января (№ 13942). Утр. вып. С. 2.

Измайлов 1915 – Измайлов А.А. *Темы и парадоксы (Современная накипь. Молодое поколение у молодых романистов)* // Биржевые ведомости. 1915. 30 марта. (№ 14753). Утр. вып. С. 2.

Измайлов 2002 – Измайлов А.А. *Кривое зеркало: Книга пародии и шаржа*. СПб., 2002.

Измайлов 2017 – Измайлов А.А.: *Переписка с современниками*. СПб., 2017.

Измайлов РГАЛИ – Измайлов А.А. *Письма Б.А. Садовскому* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 64.

Литературная карта – *Литературная карта Ярославской области*. URL: <http://demetra.lib.yar.ru/index.php/proekty/literaturnaya-karta/literaturnaya-karta-goroda-gybinska/bondi-vladimir-aleksandrovich> (дата обращения 27.01.2024).

Отзыв РГАЛИ – *Отзыв на повесть Б.А. Садовского «Княгиня Зенеида»* // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 21.

Пушкин 1962 – Пушкин А.С. *Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1962.*

Русская стихотворная пародия 1960 – *Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX века)*. Л., 1960.

Садовской 1911 – Садовской Б.А. *А. Измайлов. Литературный Олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб. Ясинский, Брюсов, Саллиас, Соловьев. Характеристики, встречи, портреты, автографы*. М., 1911 г. Стр. Х+472. Ц. 1 р. 50 к. // *Русская мысль*. 1911. № 3. С. 92–93.

Садовской 1915 – Садовской Б.А. *Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы*. Пг., 1915.

Садовской 1916а – Садовской Б.А. *Ледоход: Статьи и заметки*. Пг., 1916.

Садовской 1916б – Садовской Б.А. *Письмо в редакцию* // *Биржевые ведомости*. 1916. Утр. вып. 23 марта).

Садовской 1930 – Садовской Б.А. *Александр Третий*. URL: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1930_alexandr_tretyi.shtml (дата обращения 27.01.2024).

Садовской 1990 – Садовской Б.А. *Лебединые клики*. М., 1990.

Садовской 1991 – Садовской Б.А. *Записки (1881–1916)* // *Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.)*. Выпуск 1. М., 1991. С. 106–183.

Садовской 1992 – Садовской Б.А. *Заметки. Дневник (1931–1934)* // *Знамя*. 1992. № 7. С. 188–189.

Садовской 2001 – Садовской Б.А. *Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи*. СПб., 2001.

Садовской 2010 – Садовской Б.А. *Морозные узоры: Стихотворения и письма*. М., 2010.

Садовской ИРЛИ – Садовской Б.А. *Письма А.А. Измайлову* // *РО ИРЛИ*. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 294.

Садовской РГАЛИ – Садовской Б.А. *Письма А.Я. Садовскому* // *РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 277.

Ходасевич 1996 – Ходасевич В.Ф. *Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому*. М., 1996.

Литература

Александров 2008 – Александров А.А. *Александр Алексеевич Измайлов – критик, прозаик, журналист: автореф. дис. ... к. филол. н.*: 10.01.01. СПб., 2008.

Изумрудов 2020 – Изумрудов Ю.А. *Скрытый онегинский сюжет в пьесе Бориса Садовского «Мальтийский рыцарь»* // *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 1(80). С. 302–304.

Измурдов 2022 – Измурдов Ю.А. *Из истории столичных литературных контактов Бориса Садовского: Сотрудничество с альманахом «Петербургские вечера»* // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (16). С. 103–121.

Хворостьянова 2019 – Хворостьянова Е.В. *Литературная и научная репутация. О книге «Измайлов А.А.: Переписка с современниками»* // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 362–371.

**"READING RUSSIA LISTENS TO YOUR VOICE:
SHOW ME TO HER!" (BORIS SADOVSKOY'S CORRESPONDENCE
WITH ALEXANDER IZMAILOV AND ITS HISTORICAL
AND LITERARY CONTEXT)**

© **Izumrudov Yuri Aleksandrovich** (2024), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, PhD in Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), izumrud.nnov@mail.ru

In accordance with the plans for the preparation of a scientific collection of works and a scientific biography of B.A. Sadovskoy, the study of his St. Petersburg literary contacts continues. This article is devoted to the almost unexplored issue of Sadovskoy's relationship with Alexander Alekseevich Izmailov, head of the literary department of the newspaper "Birzhevye Vedomosti", a satirical critic, novelist, poet. Sadovskoy's personal acquaintance with Izmailov was preceded by their printed characteristics of each other's creative individuality. Sadovskoy published in 1911 a review of Izmailov's collection of literary and critical prose, "Literary Olympus". Izmailov published a parody of Sadovskoy's conceptually important poem "Great-Grandfather" in the same year. And, although the parody, perhaps, could not suit Sadovskoy with its ideological orientation, nevertheless it played a certain beneficial role for him, because it added to his fame, popularity, and recognition. So, in the Soviet years, when Sadovskoy was practically not published, Izmailovsky's parody, which was included in anthologies of works of the corresponding genre, reminded of his name and poems. The personal acquaintance of Sadovskoy and Izmailov took place in 1913. It was very important for Sadovskoy to establish connections with an influential critic. This could help him establish himself in the capital's literary world, achieve true recognition of his artistic abilities, which, in his opinion, critics appreciated little. Izmailov wrote about Sadovskoy in several articles

and emphasized his undoubted talent as a writer. Through Izmailov, Sadovskoy gained permanent cooperation with "Birzhevye Vedomosti", one of the largest newspapers in Russia at the beginning of the twentieth century. Sadovskoy's texts published in it are almost unknown to modern researchers and readers and need to be introduced into scientific circulation. The article provides the first publication of the correspondence between Sadovskoy and Izmailov, with an appropriate comment. A letter from L.N. Andreev to Sadovskoy is also being printed for the first time. The Appendices reproduce the texts of articles by Sadovskoy and Izmailov that have not been republished since the first publication in the pre-revolutionary press.

Keywords: B.A. Sadovskoy, A.A. Izmailov, L.N. Andreev, parody, "Birzhevye Vedomosti".

References

(Articles from Scientific Journals)

Изумрудов 2020 – Izumrudov Yu.A. *Skrytyy oneginskiy syuzhet v p'yese Borisa Sadovskogo «Mal'tiyskiy rytsar'»* [The Hidden Onegin plot in Boris Sadovskoy's play The Knight of Malta]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, № 1(80), pp. 302–304. (In Russian).

Изумрудов 2022 – Izumrudov Yu.A. *Iz istorii stolichnykh literaturnykh kontaktov Borisa Sadovskogo: Sotrudnichestvo s al'manakhom «Peterburgskiye vechera»* [From the History of Boris Sadovskoy's Literary Contacts in the capital: Cooperation with the St. Petersburg Evenings Almanac]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2022, no. 4 (16), pp. 103–121. (In Russian).

Хворостьянова 2019 – Khvorost'yanova E.V. *Literaturnaya i nauchnaya reputatsiya. O knige «Izmaylov A.A.: Perepiska s sovremennikami»* [Literary and scientific reputation. About the book "Izmailov A.A.: Correspondence with contemporaries"]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 4. С. 362–371. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

Александров 2008 – Aleksandrov A.A. *Aleksandr Alekseyevich Izmaylov – kritik, prozaik, zhurnalist* [Alexander Alekseevich Izmailov – critic, novelist, journalist]. PhD Thesis Abstract. Saint-Petersburg, 2008. (In Russian).

Поступила в редакцию 29.01.2024